

Бараба

Мне, не раз эту землю воспевшему,
Вдруг однажды понять повезло:
Бараба наша – с неба сошедшая
Та земля, где просторно-светло.
Где в любую желанную сторону,
Что сиянием далее слепит,
Расположено дивно и поровну
И лесов, и озёр, и степи.
Непонятно для конного, пешего,
Коль судьба в эту даль завела,
Что земля эта, с неба сошедшая,
Почему-то для взора мила.
Непонятно, случайно глядевшему,
В эту даль от того вон леска,
Что земля эта, с неба сошедшая,
Почему-то сердечно близка.
Даже мы, здесь на веки осевшие,
Не поймём до волненья в крови:
Чем Земля эта, с неба сошедшая,
Дорога нам по степеню любви?..

* * *

Светла земля
под журавлиным перекликом.
Простор обозреваем далеко.
И в нём осеннем,

нескончаемо-великом,
шагается и дышится легко.
Ах что-то вы, журавушки,
разговорились! –
и говор ваш, как музыка,
звучит...
Пока вы в дальней синеве
не растворились,
душа моя восторженно молчит.
Поговорите же со мной,
поговорите,
пока закат над полем не погас,
и сокровенное
мне что-то подарите,
чтоб я опять сумел дожждаться вас.
... В судьбе бывает много
всяких перекрёстков
и – поворотов в каждом часе дня,
но всё равно весною
радостно и просто
вы, как всегда, окликните меня.

Сартлан

Широкая чаша Сартлана
опять голубеет вдали
прекрасной жемчужиной славной
Барабинской нашей земли.
И можно сравнить с чудесами,
каких нет у многих из стран,
когда за большими лесами
откроется взору Сартлан.

Он кругло-красив, полноводен,
на солнце лазурью слепит,
сияет при ясной погоде,
как дивное море в степи.

В его необъятном просторе
не виден тот берег, другой...

Сартлан называем мы морем —
с добавкою «наш дорогой».

Но если же ветры степные
взлохматят его вдруг волной
да хлынут дожди проливные
над тёмной его глубиной,
то как же он грозно-прекрасен,
наш Батюшка славный Сартлан!

И в гневе, конечно, опасен,
но всё же на счастье нам дан...

По берегу в даях весёлых,
где тишь да туманы с утра,
раскинулись добрые сёла,
а морем идут катера.

И многим, наверное, снится:
на гриве, что дивно-светла,
рыбацкая наша столица —
большое село Кармакла.

Сартлан стал судьбы нашей частью,
для многих — итогом труда.

Сартлан и рыбацкое счастье
слились здесь в одно навсегда.

Тайна сокола

Поднимусь до рассвета до раннего —
и коня напою, и жену обниму,
поскачу я от домика крайнего
по просёлку,
известному мне одному.

Потому что
он в полюшко дальше
по ковыльным лугам
и меж рощиц бежит,
где — над полем,
овеянном тайнами,
старый сокол
однажды подолгу кружит.

Мной давно
то кружение замечено,
что в году только раз
и в назначенный день.
Он кружит там с утра и до вечера,
словно тихая, плавная серая тень.

И всё уже круги эти странные.
Вот завис он
над маленьким в поле бугром
и, как птица с открытою раной,
начал падать
стремительным тёмным комком.

Только вдруг он
на крыльях расправленных,
чуть бугра не коснувшись,
вновь круто взлетел.

Сделал круг
над покоем оставленным

и в просторе исчез,
что ещё голубел...
И сажу я под зорькою алою,
над загадкой
раздумьями долго скользя,
а мелькнёт в голове что-то шалое:
«Раскопать! И узнать! –
успокою: «Нельзя...»
Осторожнее с тайными скрытыми,
да и лучше порою
не знать, что к чему...
... И зацокает конь мой копытами
по просёлку, известному мне одному.

Серпантин

Царство гор – это, брат, не равнина.
Слева пропасть, а справа стена.
Словно жизнь, вьётся нить серпантина.
Ну, а жизнь, как известно, одна.
И она поднимается круто
к перевалу из снега и льдин.
И считает не метры – минуты –
серпантин, серпантин, серпантин.
На минуты – так будет правдивей.
Здесь проедешь, и это поймёшь.
Эти горы – жестокий противник,
от которого вбок не свернёшь.
Эти горы следят за тобою
сквозь овалы прицельных колец.
И нельзя допустить перебоев
ни моторов, ни наших сердец.

Эти горы – афганские горы.
Не забыть их до самых седин...
И гудят напряжённо моторы,
и сурово молчит серпантин.

Спасибо, брат...

Чужие звёзды высоки и глухи.
Эх, если б это было светлым днём!
Уж третий час к дороге лезут духи,
А мы с Серёгой держим их огнём.
Свинцом горячим яростно душманы
Нас поливают с южной стороны.
И то, что живы мы, довольно странно –
Ведь силы, как поётся, не равны.
От пуль порою вскрикивают камни.
Всё ближе не по-нашему галдят.
Строчит всё чаще жёсткими рывками
То мой, а то Серёгин автомат.
Но вдруг две тени надо мной вскочили.
Мелькнул в глазах моих чужой прицел.
Ещё мгновенье – и меня б скосили,
Да друг Серёга раньше их успел.
И те две тени с криком надломились,
И загудел вослед им камнепад.
И, словно камни, с губ моих скатились
Слова суровые:
– Спасибо... брат...

Чужие звёзды высоки и глухи.
Эх, если б это было светлым днём...
Четвёртый час к дороге лезут духи,
А мы с Серёгой держим их огнём.